

всё. Между тем моментом, когда философы университета довольствовались комментированием трактатов «Органона», и тем, когда они приступили к толкованию «нового Аристотеля»,

421

6. От перипатетизма к аверроизму

располагаются «Комментарии» двух великих теологов: «То, что среди философов не было представителей факультета искусств, — факт очень большого значения для развития философии времени высокой схоластики. Однако теологи Альберт Великий и Фома Аквинский, которые сделали свои собственные комментарии к недавно обнаруженным сочинениям Аристотеля по метафизике, натуральной философии и этике, проложили таким образом дорогу схоластическому аристотелизму и оказали на факультет искусств такое влияние, все детали которого еще не установлены до сих пор. Комментарии Си-гера Брабантского к «Метафизике» Аристотеля и к сочинениям по натуральной философии, во всяком случае, появились позднее комментариев к Аристотелю, сделанных Альбертом Великим, а частично и св. Фомой Аквинским» (М. Грабман). В самом деле, мы уже отметили, что Петр из Оверни, чья комментаторская деятельность охватывает почти все наследие Аристотеля, завершил комментарий Фомы Аквинского к книге «О небе и о мире» (III, от 9-й лекции до конца). Но Петр из Оверни — современник аверроистского движения. И именно его 7 марта 1275 г. папский легат назначает ректором Парижского университета, рассчитывая восстановить единство на факультете искусств, нарушенное в 1272 г. Сигером Брабантским. Таким образом, начало парижского аверроизма частично объясняется запоздалым — во второй половине XIII века — рассмотрением «нового Аристотеля» среди «артистов».

Истоки аверроистского движения восходят к латинским переводам «Комментариев» Аверроэса к Аристотелю, выполненным Михаилом Скотом, вероятно, во время его пребывания в Палермо (1228—1235) в качестве придворного астролога императора Фридриха II. Текст «Большого труда» Роджера Бэкона позволяет установить, что эти переводы появились в Париже вскоре после 1230 г., и оценить историческое значение этого события: «Tempore Michaelis Scotti, qui

annis Domini 1230 transactis apparait deferens librorum Aristotelis partes aliquas de Naturalibus et Metaphysicis cum expositionibus authenticis, magnificata est philosophia apud Latinos»*. К 1250 г. становится заметно, что Альберт Великий широко использует сочинения Аверроэса, которые всегда у него перед глазами, когда он составляет собственные трактаты об учении Аристотеля. В ту пору Аверроэс был для него просто философом, как все прочие, к помощи которых прибегают, когда это полезно, и которых осуждают и исправляют, когда они ошибаются. Только на протяжении следующих 20 лет магистры искусств, использовавшие «Комментарии» Аверроэса к Аристотелю, чтобы обогатить собственные учебные курсы, придут к выводу, что учение Аристотеля — это учение, которое ему приписал Аверроэс, и что оно составляло саму философскую истину. Подобная позиция не могла не вызвать протеста теологов.

Каково бы ни было восхищение Альберта Великого и св. Фомы Аквинского греческим философом, они никогда не ставили себе целью простое усвоение его учения. Можно сказать, что, напротив, христианская вера заранее освободила их от всякой сервильности к «букве» Аристотеля. Эти теологи сразу увидели, что, если перипатетизм и содержит истинные положения, в целом он не является истиной. Отсюда это строгое и смелое исправление ложных положений, которое и породило томизм. Но даже среди